

**СООТНОШЕНИЕ ВАРИАНТОВ
ФОРМЫ РОДИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА
ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ МУЖСКОГО РОДА
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ
СЕРЕДИНЫ XX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI в.**

Е. А. Болтовская

кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник
Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
докторант кафедры русского языка
Белорусский государственный университет

В статье излагаются результаты исследования конкурирующих в современном русском языке вариантов формы родительного падежа (с партитивным значением) единственного числа вещественных существительных мужского рода. На основе сопоставления сведений из ортологических источников и данных, полученных на материале Национального корпуса русского языка, с помощью привлечения метода математической статистики выявляются и характеризуются произошедшие с середины XX в. по настоящее время изменения в узальном употреблении вариантов, связанных с рассматриваемой грамматической формой. Результаты исследования могут найти применение в преподавании культуры речи, морфологии, истории русского литературного языка.

Ключевые слова: динамика грамматической нормы, конкуренция грамматических вариантов, форма родительного падежа единственного числа, партитивное значение родительного падежа, имя существительное мужского рода.

Введение

В условиях быстрого развития электронного общения и возникновения в связи с этим новой формы речи (устно-письменной [1, с. 33–34], или письменной разговорной речи [1, с. 305]) все сложившиеся нормы литературного языка (в том числе и морфологические) подвергаются пересмотру. Вариантность падежных форм склоняемых существительных давно интересует исследователей, однако эта проблема по-прежнему актуальна в силу более интенсивной, чем раньше, изменчивости норм.

Цель статьи – на основе сопоставления данных, извлеченных из Национального корпуса русского языка [<http://www.ruscorpora.ru/new/>] (далее – НКРЯ), выявить и охарактеризо-

вать изменения в развитии вариантности флексий *-а/-я* и *-у/-ю*, служащих для выражения количественного значения формы родительного падежа единственного числа имен существительных мужского рода.

Для реализации цели использовались описательный метод, метод контекстного анализа, количественный метод. Материалом для исследования послужили сведения, извлеченные из ортологических источников, а также примеры из текстов, размещенных в нескольких подкорпусах НКРЯ (основной, устный, газетный (центральные и региональные СМИ), подкорпус «Социальные сети»).

Основная часть

Установлено, что до конца XVIII в. формы на *-а/-я* и *-у/-ю* родительного падежа единственного числа воспринимались носителями русского языка как равнозначные, в XIX в. они служили для разграничения падежных значений у отдельных семантических групп существительных (вещественных, отвлеченно-собирательных): родительного количественного (количественно-разделительного/отделительного [2, с. 148–149], партитивного) и не количественного (ср. *выпить чаю* и *вкус чая*). А в литературном языке XX в., так как между формами «падежно-грамматический и семантический контрасты выражены недостаточно четко, не имеют силы грамматического закона» [3, с. 176], они чаще всего использовались для стилистической дифференциации: «...формы на *-у (-ю)*, в отличие от нейтральных форм на *-а (-я)*, стилистически несколько снижены, носят разговорную окраску» [4, с. 151]. С середины XX в. одни лингвисты высказывают предположение о том, что «выделение количественного значения носит умозрительный характер и на практике говорящи-

ми не осознается» [5, с. 78; 6, с. 170], другие же, наоборот, ратуют за признание в русском языке дополнительного второго родительного падежа, или партитива, связанного с выражением частичности [7, с. 44–46].

Благодаря проведенному коллективом советских ученых масштабному социолингвистическому исследованию употребления вариантных флексий формы родительного падежа с партитивным значением в разностилевых текстах 1900–1960 гг. и устной речи современников разных возрастных и профессиональных групп [3, с. 175–199] были выявлены следующие закономерности:

1. В начале XX в. вариант на -у/-ю преобладал в письменной деловой речи (справочники с кулинарными рецептами) в конструкциях с партитивным значением родительного падежа (в 90 % случаев), а также нередко использовался в конструкциях с нечислительным значением (*для супу, вместо сахара, из ливеру*). Активное падение употребительности формы на -у/ю пришлось на 20-е и 30-е гг. XX в. из-за отказа авторов послереволюционных изданий от устных оборотов речи под влиянием усиливающейся книжности и стандартности научной и газетно-журнальной речи (где в XIX в. преобладали формы на -а/-я). В последующие десятилетия процесс вытеснения формы на -у/-ю продолжался, но более плавно. В языке художественной литературы (исследование проводилось на материале драматических произведений пьес) убывание формы на -у/-ю происходило медленнее (ее употребление снижается от 76,9 % в начале XX в. до 50,2 % в 50–60-х гг.). Записи устной непринужденной речи, проведенные в 1963–1965 гг., также показывали незначительное количественное преобладание формы на -у/-ю (51,5 %) [3, с. 198].

2. Устойчивость употребления варианта с флексией -у/-ю непосредственно связана с частотностью слова: «Наиболее частотные слова удерживают форму на -у дольше других» [3, с. 181]. Малочастотные и в разговорной бытовой, и в письменной речи слова (*эстрагону – эстрагона, шпинату – шпината, солоду – солода*) «принимали в начале XX в. форму на -у, а в 30-е и тем более в 50–60-е годы – форму на -а» [3], тогда как наиболее употребительные в устной и среднечастотные в письменной речи лексемы (типа *лук, перец, рис, сыр, творог, жир*) сохраняли форму на -у/-ю.

3. Обнаружена некоторая зависимость выбора формы от типа синтаксических конструкций. Флексия -а/-я вытесняет флексию

-у/-ю из всех конструкций с родительным партитивным с разной степенью интенсивности: «По степени употребительности формы на -у на первом месте оказываются глагольные конструкции со значением неполного объекта, затем сочетания с наречиями, обозначающими меру (*много, мало, побольше, поменьше*), затем именные сочетания. Наиболее проникаемыми для формы на -а являются свободные синтаксические построения, в которых партитивное значение ослабляется вставкой зависимых слов типа *стакан крепкого чая, купить в магазине машинного масла, лака и воска и под.*» [3, с. 193]. К. С. Горбачевич утверждает, что «в глагольно-именных словосочетаниях (при наличии переходного глагола) естественной и нормативной для современного языка продолжает оставаться форма на -у (-ю): *положить сахару, заварить чаю, нарезать сыру, налить супу* и т. п.» [4, с. 152]. Однако в речевой практике (вероятно, под влиянием закона экономии) при переходных глаголах форма на -у/-ю постепенно вытеснялась не столько формой на -а/-я, сколько формой винительного падежа с нулевой флексией (*налить кипятку, прибавить перец* вместо *налить кипятку, прибавить перцу*); ср., например, *купить табак* (44,44 %), *купить табака* (29,63 %), *купить табаку* (25,93 %) [8, с. 167].

4. Круг лексем, способных употребляться с флексией -у/-ю, значительно сузился. В начале XX в. любое вещественное существительное, в том числе заимствованное или малоизвестное, могло быть с флексией -у/-ю (*чаю, луку, сахару, квасу, супу, маку, нашатырю, спирт, кишвассеру, шашлыку*). К 50–60-м гг. усилился процесс закрепления флексии -у/-ю за определенными словами и их сочетаниями. Сохранились формы на -у/-ю во фразеологических сочетаниях (например, *дать маху, спору нет, без году неделя, не давать спуску*) и в уменьшительных формах с ударением на окончании (например, *чайку, кофейку, коньячку*).

5. С середины XX в. в речевом сознании русскоговорящих употребление формы на -у/-ю связано со стилистической, а не грамматической дифференциацией. Эксперимент, в котором испытуемым предлагалось подставить окончание -а/-я или -у/-ю к лексеме *сахар* в предложениях разговорного и книжного характера, показал противоположные количественные отношения вариантов: опрошенные старшего поколения предпочли флексию -у в предложении *Я люблю сладкий чай, положи*

мне побольше сахар... (61,4 %) и флексию *-а* в предложении *Наша промышленность выпустила в этом году намного больше сахар... по сравнению с прошлым годом* (72,4 %) [3, с. 193–194].

Л. К. Граудина, проведя анкетирование на примере вариантов *чая/чаю*, выступающих с количественно-отделительным значением родительного падежа в именном сочетании (*Мы выпили три стакан... кофе и две чашки ча...*), выявила узуальные предпочтения употребления вариантов в зависимости от уровня образования, профессии, возраста носителей языка и получила такие результаты: «Из 4015 ответов данные распределились следующим образом: *чая* – 2345, *чаю* – 1608, в 36-ти ответах были записаны обе формы – и *чая*, и *чаю*, в 26 случаях ответ был или неправильным, или непонятным, или его не было совсем – эта группа условно названа “не ответили”» [5, с. 79], т. е. вариант *чая* был предпочтен 58,4 % респондентов, а вариант *чаю* – 40,0 %, и можно говорить о том, что в 60-е гг. XX в. указанные варианты находились в фазе активной конкуренции, причем представители интеллигенции с высшим филологическим образованием (52,0 %), писатели и журналисты (59,3 %) предпочитали традиционный в то время вариант *чаю*, тогда как лица с высшим нефилологическим образованием (62,3 %), служащие (58,8 %), рабочие (67,2 %), студенты-филологи (59,3 %) и студенты-нефилологи (60,8 %) чаще (но с незначительным количественным перевесом) использовали в речи вариант *чая* [5, с. 84–85]; представители старшего поколения чаще молодых использовали вариант *чаю*, у них «конкурирующие формы *чая* и *чаю* почти что равновероятны. У поколения 30-х годов произошел перелом в употреблении форм. У молодежи 40-х годов форма *чая* значительно преобладает, тогда как форма *чаю* обнаруживает тенденцию к резкому сокращению в употребительности» [5, с. 81–82]. Началась стабилизация новой нормы и спад форм на *-у* [8, с. 150].

В современных ортологических источниках содержится информация о продолжающейся вариантности флексий *-а/-я* и *-у/-ю* при выражении количественного значения родительного падежа. Так, в «Кратком словаре трудностей русского языка» Н. А. Есько-вой основным окончанием признается *-а/-я*: например, «*чай*², *ча́я*, в колич. знач. возм. род. ча́ю» [9, с. 489], «*са́хар*, *-а*, в колич. знач. возм. род. са́хару» [там же, с. 404]; «*песко́к*, *песка́*,

в колич. знач. возм. род. песку́» [9, с. 310]. Подобного мнения придерживаются и авторы «Словаря грамматических вариантов русского языка», которые считают, что «следует рекомендовать флексию *-а* как нормативную основную форму род. падежа во всех его значениях и для всех стилей литературного языка. Флексия же *-у* представляет собой второстепенную вариантную форму, свойственную прежде всего устной речи, в письменных же стилях она держится преимущественно во фразеологии и в уменьшительных формах» [6, с. 171]. Правда, акцент здесь делается не на важность определенного значения родительного падежа (количественного) для возможности использования того или иного варианта, а на разграничении устной и письменной форм речи, в которых строгость норм различна. В нескольких словарях, размещенных на портале Грамота.ру, в «Словаре правильной русской речи» Н. В. Соловьева варианты на *-а/-я* и *-у/-ю* представлены без указания на определенное значение родительного падежа: например, *чая* и *чаю* [10, с. 816], *сахара* и *сахару* [10, с. 683], *песка* и *песку* [10, с. 498]; к тому же у Н. В. Соловьева находим рекомендацию употреблять преимущественно флексию *-у/-ю* для выражения партитивного значения родительного падежа единственного числа вещественных существительных: «...при обозначении целого, из которого выделяется какая-либо часть, в родительном падеже существительных единственного числа, имеющих вещественное значение, обычно употребляется окончание *-у/-ю*» [10, с. 685].

В газетном подкорпусе и подкорпусе «Социальные сети» НКРЯ мы исследовали то же именное словосочетание (*чашка чая/чаю*), что и Л. К. Граудина [5], учитывая контексты с полной парадигмой лексики *чашка* (*чашка*, *чашки* (Р. п. ед. ч., И. п. мн. ч., В. п. мн. ч.), *чашке* (Д. п. ед. ч., П. п. ед. ч.), *чашку*, *чашкой/ою*, *чашек*, *чашкам*, *чашками*, *чашках*). При подсчете все повторяющиеся случаи принимались за одно употребление.

В газетном подкорпусе нами было обнаружено 945 подходящих примеров с вариантом *чая*, употребленных с 1986 по 2023 г., и 35 – с вариантом *чаю* (с 1996 по 2018 г.). В подкорпусе «Социальные сети» найдено 418 примеров с вариантом *чая* (с 2006 по 2023 г.) и 20 – с вариантом *чаю* (с 2006 по 2021 г.). Общее количество найденных примеров и процентное соотношение в вариантной паре *чая* – *чаю* представлено в таблице 1.

Таблица 1 – Употребление вариантов *чая/чаю* в именном словосочетании *чашка чая/чаю* в текстах газетного подкорпуса и подкорпуса «Социальные сети» НКРЯ

Подкорпус НКРЯ	Количество варианта <i>чая</i>	Количество варианта <i>чаю</i>	Всего
Газетный	945 (96,4 %)	35 (3,6 %)	980
Социальные сети	418 (95,4 %)	20 (4,6 %)	438
Всего	1363 (96,1 %)	55 (3,9 %)	1418

По виду количественных соотношений между членами вариантных пар Л. К. Граудина условно выделяет 4 разновидности пар:

1. Пары, соотношение вариантов в которых колеблется в пределах 0–10 % / 100–90 %. В таких случаях можно считать, что один из вариантов является практически общеупотребительным, второй же употребляется редко.

2. Пары, в которых соотношение вариантов колеблется в пределах 11–20 % / 89–80 %. В подобных случаях преобладает один из вариантов, а второй употребляется сравнительно редко.

3. В парах, где соотношение вариантов находится в пределах 21–40 % / 79–60 %, употребительными можно считать оба варианта, однако один из них имеет преимущество.

4. Пары с соотношением вариантов 41–50 % / 59–50 % могут быть квалифицированы как равновероятные в употреблении [8, с. 141–142].

Из таблицы 1 видно, что вариантная пара *чая – чаю* относится в количественном отношении к первой разновидности, что говорит о преимущественном употреблении варианта *чая*. Похожие результаты в двух подкорпусах свидетельствуют о том, что начиная с 80-х гг. XX в. конкуренцию вариантам *чая – чаю* можно охарактеризовать как неравноправную, с доминированием варианта *чая* и в текстах СМИ, и в текстах социальных сетей. Более того, можно наблюдать распространение флексии *-а* в сферы ранее безвариантного употребления с флексией *-у*, скорее всего, под влиянием закона аналогии. Так, в «Краткой русской грамматике» определено: «При ударении на окончании у уменьшительных слов на *-ок*, *-ёк*, употребленных в количественном значении, **единственно возможны** (выделение наше. – Е. Б.) формы род. п. на *-у́*, *-ю́*: *ложка медку́*, *немного ледку́*, *заварить чайку́*, *горсть табачку́*» [11, с. 188]. В «Словаре грамматических вариантов русского языка» эта категоричность смягчена указанием на предпочтитель-

ное употребление варианта с *-у*: «Уменьшительные формы с ударением на окончании также употребляются преимущественно с формой *-у*: *лучку*, *коньячку*, *кваску*, *чайку*, *кофейку* (но зафиксированы и формы *сырка*, *творожка*, *коньячка*, *уголька*, *огонька* и даже *лучка*)» [6, с. 171]. В подкорпусе «Социальные сети» нами было обнаружено 48 примеров с выражающей количественное значение родительного падежа формой *кофейку* (с 2007 по 2020 г.), 37 примеров с формой *коньячку* (с 2010 по 2020 г.) и 8 примеров употребления варианта *кофейка* (с 2012 по 2019 г.), 15 примеров – *коньячку* (с 2011 по 2022 г.) с тем же падежным значением: ср. *Любителям выпить кофейку к сведению: употребление крепкого кофе натошак стимулирует выработку кортизола*. [Руслан Касумов. Фитнес Тренер Воронеж (15.03.2020)] и *Читану, кофейка выпью и буду писать про первый этап исследования*. [vk (01.10.2013)]; *Он пока ждал долго общался с её матерью, выпили немного коньячку и в итоге сам не заметил как оказался с ней в одной постели*. [Псевдоним den stranger. Жизнь в Воронеже (2020)] и *В этот вечер у двух командиров были дни рождения, мы собрали несколько коробок с едой, привезли немножко коньячка и накрыли праздничный стол*. [vk (25.02.2015)].

Отмерив одинаковый хронологический «шаг», теперь отследим динамику убывания варианта *чаю* на материале основного (389 млн), устного (14 млн), газетного (884 млн), соцсетевого (161 млн) подкорпусов НКРЯ. Нижняя хронологическая граница третьего этапа (с 1983 г.) установлена такой потому, что именно с этого года размещены статьи в самом объемном из всех в НКРЯ газетном подкорпусе, а соцсетевой подкорпус, начинающийся в НКРЯ с 2001 г., выделяется среди остальных наибольшей свободой от нормативных ограничений и отражает живые изменения русского языка, которые могут быть не зафиксированы в основном и газетном подкорпусах.

Таблица 2 – Динамика употребления вариантов *чая/чаю* в составе именного словосочетания *чашика чая/чаю* в текстах основного, устного, газетного, соцсетевого подкорпусов НКРЯ

Этап	Хронологический отрезок (подкорпус НКРЯ)	Количество варианта <i>чая</i>	Частота	Количество варианта <i>чаю</i>	Частота	Общее количество
1	1941–1961 гг. (основной)	31	0,596	21	0,404	52
2	1962–1982 гг. (основной, устный)	80	0,769	24	0,231	104
3	1983–2003 гг. (основной, устный, газетный)	426	0,878	59	0,122	485
4	2004–2024 гг. (основной, устный, газетный, соцсетевой)	1217	0,952	62	0,048	1279

Общеизвестно, что подсчеты должны строиться на достаточно однородной и устойчивой совокупности, где все доступные варианты непрерывно распределены и задана их плотность вероятности, поэтому для проведения количественного анализа употребляемости вариантов в рамках краткой диахронии (84 года) привлечем инструментарий математической статистики. Подробный расчет статистических величин выполним в соответствии с работами [3; 5; 8]. Воспользовавшись формулами, представленными в них ([5, с. 82–83], [3, с. 77], [8, с. 151]), и 95 %-ным коэффициентом доверия (уровень значимости – 0,05), рассчитаем доверительный интервал для частот на каждом из обозначенных четырех хронологических отрезков: для формы *чая* на первом этапе он составляет $0,596 \pm 0,137$, на втором – $0,769 \pm 0,082$, на третьем – $0,878 \pm 0,029$, на четвертом – $0,952 \pm 0,012$; для формы *чаю* он равен на первом этапе $0,404 \pm 0,137$, на втором – $0,231 \pm 0,082$, на третьем – $0,122 \pm 0,029$, на четвертом – $0,048 \pm 0,012$ (см. табл. 2).

На первом этапе наблюдается самый широкий из всех полученных доверительный интервал, который указывает на то, что выборочное среднее менее точное, выше ошибка измерения. Согласно нормальному распределению частот обоих форм в 1941–1961 гг. ($|4,60| > 2,01$) форма *чая* была более вероятна в употреблении, чем форма *чаю*. На всех последующих этапах доверительный интервал

сужается и, соответственно, выбор одной из двух форм становится менее случайным, чем раньше. В 1962–1982 гг. ($|1,08| < 1,98$) форма *чаю* более вероятна в использовании, но форма *чая* при этом не исключается из употребления. В 1983–2003 гг. ($|3,26| > 1,97$) выбор формы *чая* устойчивый, этот вариант появляется в речи более часто, чем форма *чаю*. В 2004–2024 гг. ($|8,61| > 1,96$) форма *чая* имеет тенденцию к гораздо более частому употреблению, чем форма *чаю*.

За период с 1941 по 2024 г. частота употребления формы *чая* в словосочетании *чашика чая/чаю*, согласно коэффициенту роста (K), осталась практически неизменной ($K = 1,12$), а частота использования формы *чаю* уменьшилась в 1,7 раз ($K = 0,59$). Можно предположить, что это связано со стилистически нейтральным статусом окончания *-а/-я*, а также его падежно-грамматической универсальностью, способностью выражать остальные значения родительного падежа существительных мужского рода определенных семантических групп, а не только партитивное. Более того, при исключении количественного значения вариант на *-а/ -я* остается единственно возможным (*сбор чая, изготовление шелка, свойства воска*) и в силу этого является более привычным и распространенным в употреблении, поэтому носители языка по аналогии могут автоматически переносить его в сферы прежнего господства варианта на *-ю/ю*.

Заклучение

Количественные данные, полученные на материале газетного и соцсетевого подкорпусов НКРЯ, свидетельствуют о значительном изменении соотношения вариантов *чая* – *чаю* в именном словосочетании *чашка чая/чаю* в пользу варианта *чая* (96,1 %).

Статистическая проверка количественных данных, полученных на материале основного, устного, газетного, соцсетевого подкорпусов НКРЯ, позволила считать неосновательным предположение о случайности различия в частоте употребления варианта *чаю* в период с 1941 по 2024 г. и признать допустимой гипотезу об убывании его встречаемости.

Сравнивая вероятность появления в речи обеих форм на каждом из выделенных хронологических этапов, мы пришли к следующим выводам:

1) с течением времени употребление варианта *чая* становится более вероятным, а сам выбор между формами *чая* и *чаю* становится менее случайным, согласно более узкому доверительному интервалу частот распределения форм со второго по четвертый этап (по сравнению с первым этапом);

2) наиболее вероятное употребление варианта *чая* характерно для четвертого этапа (2004–2024 гг.), а варианта *чаю* – для второго этапа (1962–1982 гг.);

3) за весь исследуемый период (1941–2024 гг.) частота употребления формы *чаю* в 1,7 раз уменьшилась, а формы *чая* незначительно увеличилась (в 1,12 раза).

Таким образом, конкуренция флексий *-а/-я* и *-у/-ю*, которые выражают партитивное значение формы родительного падежа единственного числа вещественных существительных мужского рода, имеющая долгую историю, наблюдается и в наши дни, однако более устойчивым по отношению к морфологической норме и распространенным в современной речевой практике (по сравнению с речевой практикой начала XX в.) становится падежный вариант с флексией *-а/-я*.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- Интернет-коммуникация как новая речевая формация : колл. монография / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, О. В. Лутовинова. – 2-е изд., стер. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2014. – 328 с.
- Виноградов, В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) : учебное пособие

для вузов ; отв. ред. Г. А. Золотова. – 3-е изд., испр. – М. : Высшая школа, 1986. – 640 с.

3. Русский язык и советское общество: социолого-лингвистическое исследование. Морфология и синтаксис русского литературного языка ; под ред. М. В. Панова. – М. : Наука, 1968. – 368 с.

4. Горбачевич, К. С. Нормы современного русского литературного языка / К. С. Горбачевич. – 3-е изд., испр. – М. : Просвещение, 1989. – 208 с.

5. Граудина, Л. К. Опыт количественной оценки нормы (форма род. ед. *чая* – *чаю*) / Л. К. Граудина // Вопросы культуры речи. – Вып. VII. – М. : Наука, 1966. – С. 75–88.

6. Граудина, Л. К. Словарь грамматических вариантов русского языка / Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская ; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. – 3-е изд., стер. – М. : Астрель : АСТ, 2008. – 555, [5] с.

7. Зализняк, А. А. Русское именное словосочетание / А. А. Зализняк ; отв. ред. В. Н. Топоров. – М. : Наука, 1967. – 370 с.

8. Граудина, Л. К. Статистический критерий грамматической нормы / Л. К. Граудина // Языковая норма и статистика. – М. : Наука, 1977. – С. 135–173.

9. Еськова, Н. А. Краткий словарь трудностей русского языка. Грамматические формы. Ударение: ок. 12000 слов совр. рус. яз. / Н. А. Еськова. – 6-е изд., испр. – М. : АСТ : Астрель, 2008. – 605, [3] с.

10. Соловьев, Н. В. Словарь правильной русской речи: ок. 85 000 слов; более 4000 коммент. / ИЛИ РАН ; Н. В. Соловьев. – М. : АСТ : Астрель, 2008. – 847, [1] с.

11. Краткая русская грамматика / В. Н. Белоусов, И. И. Ковтунова, И. Н. Кручинина [и др.] ; под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатиной. – 2-е изд., стер. – М. : РАН, Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова, 2002. – 726 с.

Поступила в редакцию 18.03.2025 г.

Контакты: boltovskaia@m.msu.by (Болтовская Елена Александровна)

Boltovskaya E. A. COMPARISON OF VARIANT FORMS OF THE GENITIVE SINGULAR OF MASCULINE NOUNS IN RUSSIAN FROM THE MID-XX TO THE FIRST QUARTER OF THE XXI CENTURY

The article presents the results of a study on competing variants of the genitive case form (with a partitive meaning) of singular masculine material nouns in modern Russian language. Based on the comparison of data from orthological sources and information obtained from the National Corpus of the Russian Language, and using the quantitative method, the study identifies and considers changes in the usage of these variants that have occurred

from the middle of the XX century to the present. The results of the study can be applied in teaching speech culture, morphology, and the history of the Russian literary language.

Keywords: dynamics of grammatical norm, competition of grammatical variants, genitive singular form, partitive meaning of the genitive case, masculine noun.